

ВРАЗУМИТЕЛЬ ВОЖДЕЙ

ЖИЗНЬ И ПОДВИГИ
ПРЕПОДОВНОГО
ГЕРГИЯ
РАДОНЕЖСКОГО

Александр Летуновский

Александр Летуновский

**Вразумитель вождей. Жизнь
и подвиги Преподобного
Сергия Радонежского**

«Яуза»

2014

Летуновский А. С.

Вразумитель вождей. Жизнь и подвиги Преподобного Сергия Радонежского / А. С. Летуновский — «Яуза», 2014

К 700-летию Преподобного Сергия Радонежского. Его величают «игуменом Земли Русской», «воеводою Святой Руси» и «вразумителем вождей». Его слово смиряло враждующих князей, ускорив их объединение вокруг Москвы. Его духовный подвиг поднял русский народ на борьбу против иноземных захватчиков. Благословение Сергия Радонежского вело войско князя Дмитрия на Куликовскую битву, а его молитва хранила воинов на поле боя, где решалась судьба Отечества. Эта повесть воскрешает грандиозную эпоху духовного взлета Святой Руси. Эта книга – дань светлой памяти одного из самых почитаемых святых и величайших героев Русской Земли. Одобрено Русской Православной Церковью.

© Летуновский А. С., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Предисловие	5
Благословенное дитя	9
Год 1326	16
Год 1330	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Сергеевич Летуновский

Вразумитель вождей. Жизнь и подвиги Преподобного Сергия Радонежского

Ненадёжно для нас догадками проникнуть в души святых, которые далеко выше нашего созерцания. Надёжнее следовать простым сказаниям очевидцев и близких к ним.

Святитель Филарет, Митрополит Московский. 1884 г.

Предисловие

Вразумителем вождей назвал Сергия Радонежского Епифаний Премудрый, очевидец его святой жизни и автор её описания.

В «Похвальном слове отцу нашему Сергию» Епифаний писал: **«Бог возлюбил Преподобного за искреннее желание угодить Ему, возвеличил и прославил его, ибо сказано: Я прославлю прославляющих Меня, а бесславящие Меня будут посрамлены (1 Цар.: 2, 30). Разве может утаиться слава того, кого возвеличил Бог? Значит, следует и нам по достоинству ублажать и прославлять святого Сергия».**

«Только вспомнив, «откуда есть пошла русская земля», где и в какой почве окрепли благодатные корни, в течение десяти веков питавшие народную жизнь, можно правильно ответить на вопросы, не ответив на которые не жить нам дальше, а догнивать. На этом пути не обойтись без Православной Церкви, древнейшего хранилища живой веры и нравственной чистоты», – писал в 1992 году митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн Снычёв.

Во второй половине XIV века три великих человека, прозрев будущее и проявив решимость, стали вдохновителями и созидателями Русской Державы, навечно скреплённой духом Православия:

святитель Алексей, воспитавший великого князя Дмитрия в духе Православия и подвигнувший его на борьбу за объединение Руси;

Великий Князь Владимирский и Московский Дмитрий Иванович, познавший и воспринявший объединяющую силу Православия, сумевший соединить разрозненные княжества и победить в решающей битве врагов, желавших уничтожить возрождающееся Русское государство;

Преподобный Сергий Радонежский, с пелёнок посвящённый Богу, с младенчества приобщённый богослужению, с юных лет получивший знания из богодуховных книг, всю жизнь следовавший канонам «Нового Завета», как руководству, данному от Бога для Веры и Жизни.

Божественную мудрость Сергий постигал по житиям святых, святоотеческим писаниям, разным Палеям, сборникам, летописным сказаниям о минувших судьбах родной земли – по книгам, которые были в доме его отца. Из этих книг Варфоломей черпал уроки благочестия, в нём раскрывались чувство любви к Родине и готовность к служению земле Русской, к подвигам для угождения Богу.

Как пишет архимандрит Никон в своём описании жизни Сергия Радонежского: «в доме Благочестивого боярина Кирилла не было недостатка в таких книгах, отрок Варфоломей их читал и перечитывал... Почерпая из книг уроки мудрости духовной, он тотчас же старался прилагать их к жизни своей – «не так», замечает святитель Филарет, «как многие долголетние

учёные, которых учение цветёт в словах, но в делах не созревает» [1]. Как писал Епифаний Премудрый: **«Чему Сергий учил словом, то сам совершал на деле».**

В доме боярина Кирилла также были божественные книги из Византии, написанные на греческом языке. Будучи образованным человеком, Кирилл обучал своих сыновей греческому языку. Вполне вероятно, что Варфоломей впервые ознакомился с «Новым Заветом» из этих греческих книг.

Новозаветные священные книги на греческом языке завозили на Русь с самого начала прихода в наши княжества греческих миссионеров. Привозимые из Византии греческие книги были большой редкостью и распространялись по монастырям и храмам. Попадали они и в дома князей и бояр, которые принимали Православную веру.

Первоначально все книги «Нового Завета» были написаны по-гречески. Русский перевод божественных книг появился значительно позже. «Славянский перевод «Нового Завета» с греческого текста был сделан св. равноапостольными Кириллом и Мефодием во второй половине девятого века и вместе с христианством перешёл к нам в Россию при св. Владимире... Затем в 14-м веке святителем Алексием, митрополитом московским сделан был перевод св. книг «Нового Завета», в то время когда св. Алексий находился в Константинополе» [3, т. 8, с. 15]. Следует отметить, что Новозаветные книги, переведённые Кириллом и Мефодием, попадали на Русь крайне редко и в разрозненном виде. После перевода книг митрополитом Алексием их стали более активно переписывать на Руси. И несомненно, один из списков святитель Алексий преподнёс своему лучшему другу и единомышленнику игумену Сергию Радонежскому. С тех пор Преподобный Сергий всё более углублялся в постижение Божественной мудрости и совершенствовался в духовном развитии. Таким образом он всю свою жизнь следовал канонам «Нового Завета» – руководству, данному от Бога для Веры и Жизни. Так Преподобный стал духовным лидером, посвятившим свою жизнь распространению Православной веры среди племён и народов, живших на Руси.

Преподобный Сергий посвятил свою жизнь нравственному воспитанию народа, что привело к укреплению политических сил на Руси и способствовало объединению разрозненных княжеств в единое Русское государство. Не может стать прочной политической власть без укрепления нравственных сил народа.

«Крещение дало нашим предкам высшую свободу – свободу выбора между Добром и Злом, а победа Православия подарила Руси тысячелетнюю историю» [13]. «Не Москва, не Тверь, не Новгород, а русская Православная Церковь, как общественный институт, стала выразительницей надежд и чаяний всех русских людей независимо от их симпатий к отдельным князьям», [14] – писал Л. Н. Гумилёв. В своих трудах он предложил новую реконструкцию русской истории IX–XIV веков. Выдающийся учёный, знаток русских летописей академик Д.С. Лихачёв считал Л.Н. Гумилёва «крупнейшим специалистом по трактуемым вопросам».

Преподобный Сергий Радонежский был учителем Православия для христолюбивых великих князей и вельмож, единомышленником, другом и продолжателем дела святителя Алексия, после его смерти ставший наставником и вдохновителем великого князя Дмитрия. Будучи игуменом Свято-Троицкой обители, Сергий Радонежский был в определённом смысле и политическим деятелем, миротворцем для воюющих и злоумышляющих. Пройдя пешком многие земли, убеждая князей и вельмож в их предназначении и ответственности перед Богом, перед своим народом и Отечеством, он сделал чрезвычайно много для умиротворения князей.

Летописцы с полным основанием именовали Сергия Радонежского игуменом всея Руси. Святая Церковь достойно и праведно величает его возбранном воеводою Русской земли. «Возбранный» – на старославянском языке означает – «Призванный защищать, ограждать от чего-либо» [20].

Богоносный игумен Сергий Радонежский не оставил никаких записей. Воспримем как промысел Божий появление в его обители Епифания Премудрого, талантливого писателя и

одного из образованнейших людей своего времени. Много лет трудился Епифаний, чтобы не остались безвестными для потомков великие дела Сергия.

Стараясь пополнить свои собственные знания, Епифаний собирал различные сведения о жизни Сергия от отцов и старцев, лично знавших его. Когда, наконец, было собрано всё, что можно было, перед ним возникла новая проблема – как «в нынешнее время по порядку описать всё житие

Сергия и рассказать о многих его подвигах и бесчисленных трудах». В сложной обстановке создавал Епифаний свой труд. Как писал он сам: «Я удивляюсь тому, что минуло столько лет, а житие Сергия не написано. Я горько опечален тем, что с тех пор, как умер этот святой старец и совершенный, прошло уже двадцать шесть лет, и никто не дерзнул написать о нём – ни близкие ему люди, ни дальние, ни великие, ни простые: великие не хотели писать, а простые не смели». Помолившись Всемиловитому Богу и Пречистой Его Матери, Епифаний приступил к подробному описанию жизни Сергия Радонежского.

О главной цели своего многолетнего труда Епифаний сообщает нам: «Я так подробно писал не для тех, кому доподлинно и в подробностях известна благочестивая жизнь святого старца, – они не нуждаются в моей повести. Я постарался собрать и записать сведения о его жизни для новорожденных младенцев и юных отроков – для тех, кто имеет незрелый ум, ибо, когда они вырастут, возмужают, преуспеют в учении, достигнут возраста мужа совершенного и зрелого ума, тогда, услышав от кого-либо о Сергии, они прочтут мою повесть, осмыслят и расскажут другим. **По слову Священного Писания: *Спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе* (Втор. 32. 7), *что видели мы, и слышали, и узнали, и отцы наши рассказали нам, чтобы не скрылось это от детей их, которые расскажут сыновьям своим, чтобы знал грядущий род, сыновья, которые родятся, и чтобы они в своё время возвещали детям своим, чтобы они не забыли дел Божьих*» (Пс. 77, 3, 6, 7).**

К сожалению, оригинал рукописи «Жития Сергия Радонежского», составленной Епифанием Премудрым, не сохранился, остались только её переработанные копии. Последующие переписчики рукописи вносили в неё изменения и добавления, руководствуясь указаниями правителей или собственными домыслами. Предполагается, что Епифаний Премудрый в своей рукописи не указал точно год рождения Преподобного, число лет жизни и год кончины. Мнения исследователей по этому поводу разделились. Например, митрополит Московский и Коломенский Макарий в своём многотомном труде «История Русской Церкви» писал: «...полагаем время рождения святого Сергия приблизительно около 1320 г...» [4]. Православные историки до сих пор спорят о том, в каком году родился Преподобный. Сегодня предполагают две даты: 1314 год и 1319 год.

Опираясь на труд Епифания и исторические документы, поведаем читателям на современном русском языке о жизни Сергия Радонежского. Постараемся воссоздать его образ и раскрыть его жизнь, его деяния и подвиги в связи с важнейшими событиями в истории Русского государства, показать его отношения с миром, с людьми, его переживания и взгляды, чтобы читатель почувствовал себя очевидцем и участником бесед с Сергием.

Поскольку до настоящего времени ещё не найдена подлинная рукопись Епифания Премудрого и не открыто ни одного нового достоверного источника, число лет жизни Сергия Радонежского, года его рождения и кончины, а также даты других событий приняты по его жизнеописанию, составленному иеромонахом Никоном, изданному в типографии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в 1904 году [1. с. 9, с. 240. прим. 13; с. 206. с. 253. прим. 185]. Там же взяты рисунки, большинство которых выполнил известный русский художник Сергей Дмитриевич Милорадович (1851–1943 гг.), писавший картины на историко-религиозные сюжеты, портреты, пейзажи, бытовые композиции. Гравировку рисунков делал Михаил Николаевич

Рашевский, лучший русский гравёр, работавший в Петербурге для издательств И.Д. Сытина и А.Д. Ступина.

Труд сей не является научным исследованием, потому в нём не указаны все использованные источники, не сделаны примечания – это художественное историческое повествование, основанное на исторических документах и работах выдающихся русских историков. Места, связанные с Куликовской битвой, названы так, как они упоминаются в «Сказании о Мамаевом побоище». Все даты указаны по старому стилю. Западные славянские племена отошедшие от Руси, принявшие латинскую веру и объединившиеся в княжество, которое теперь называют «Литовским», здесь именуем старым названием «Литвины» [19].

Вспомним пророческие слова крупнейшего отечественного историка второй половины XIX – начала XX века, профессора, академика Василия Осиповича Ключевского (1841–1911), сказанные им в 1892 году на собрании Московской духовной академии в память Сергия Радонежского: **«Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьёт урочный час, он соберёт свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу».**

Как во все времена, русский народ и после нынешних нелёгких испытаний возродится и выйдет победителем, ибо, как утверждается в жизнеописании Сергия, составленном его учеником Епифанием Премудрым, Святая Русь, Россия находится под покровительством Богородицы, и мы верим, что Сергей Радонежский, имея дерзновение к Царю Небесному, и ныне молится о нас Христу Богу и поминает нас, недостойных, у Престола Вседержителя, ибо ему дана эта благодать.

Завершающие слова памятной речи историка В. О. Ключевского на собрании Московской духовной академии прозвучали наказом нашему современному обществу:

«Примером своей жизни, высотой своего духа Сергей поднял упавший дух родного народа, пробудил в нём доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в своё будущее... Творя память Преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведённые в нём траты».

Благословенное дитя

Благо есть хранить царёву тайну, и достохвально есть возвещать о делах Божских, ибо нехранение царёвой тайны – опасно и соблазнительно, молчание же о чудесных делах Божских наносит вред душе.

Епифаний Премудрый

Родители. Отец Михаил. Крещение Варфоломея. Пояснения отца Михаила о чуде в церкви. Волнение родителей о здоровье ребёнка.

Месяц май, день третий

Волей Господа Великий Хранитель Руси Преподобный Сергий Радонежский, был послан нам в один из решающих моментов её истории – в период становления Православной веры и объединения разрозненных княжеств в единую Державу – Святую Русь. Активное распространение Преподобным Сергием Православия привело к нравственному воспитанию и объединению народа, что способствовало политическому возрождению государства.

В жизнеописании Сергия Радонежского отмечено, что Преподобный Сергий родился в мае месяце на третий день, и так определено место его рождения: «Верстах в четырёх от славного в древности, но смиренного ныне Ростова Великого, на ровной открытой местности по пути в Ярославль уединённо расположилась небольшая обитель во имя Пресвятой Троицы – это заштатный Варницкий монастырь. По древнему преданию, тут была некая весь, название которой забылось в истории, но которая всегда была и будет именита и дорога сердцу православных русских людей, потому что весь эта была благословенной родиной великого печальника и заступника земли Русской, и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца».

Весь та размещалась на пологом склоне, спускавшемся от леса к небольшой речке с прозрачной водой. На её берегу приютились три дома. Две дюжины других стояли вдоль широкой улицы, ведущей к лесу. Дома сплошь деревянные, небольшие, в два-три окошка, крытые соломой. Ставили их давно, потому дерево и солома потемнели от времени. Позади домов прилепились сараи для скота и амбары, в огородах приземистые бани. В конце улицы, ближе к лесу, возвышалась небольшая деревянная церковь. С иконы над входом в церковь на дома и поселян внимательным, заботливым и строгим взглядом смотрел Христос.

Напротив церкви стоял двухэтажный дом с галереей вдоль второго этажа. Во дворе, вымощенном тёсом, располагались хозяйственные постройки, конюшня, коровник, амбар.

Вставало солнце, освещая вершины вековых деревьев. Только-только начинался новый день, но в доме уже давно никто не спал. На втором этаже, в просторной горнице который час, пытаясь унять волнение, ходил хозяин усадьбы боярин Кирилл, высокий, худощавый мужчина лет тридцати пяти с коротко стриженной бородой, светлыми, слегка рыжеватыми волосами. Иногда он подходил к двери в спальню боярыни, прислушивался, пытаясь понять, что там происходит.

Наконец дверь отворилась, выбежала резвая молодая служанка. Кирилл резко повернулся и с тревогой в голосе спросил:

– Ну что? Скоро?

– Уж скоро, боярин, – поспешно ответила служанка и быстро удалилась из горницы, чуть не столкнувшись на пороге с сыном боярина Стефаном, мальчиком лет пяти.

Стефан подбежал к отцу и с нетерпением спросил:

– Тятя, скоро матушка родит?

– Скоро, сынок, скоро, иди погуляй, я позову тебя, – спокойно ответил Кирилл и потрепал мальчика по русой головке. Он не хотел, чтобы его волнение передалось сыну.

– Только обязательно, – торопливо сказал Стефан и побежал к двери.

– Обязательно позову, – проводив сына взглядом, Кирилл подошёл и посмотрел в окно.

Ночные облака уплывали, оставляя чистое небо солнцу. Под его лучами постепенно исчезали длинные тени, всё ярче освещались лес и поле, покрытые молодой зеленью. Только голоса птиц нарушали утреннюю тишину. Кирилл смотрел на просыпающуюся природу, на лес за рекой, на дома вдоль улицы, на крест, венчающий купол церкви, на икону Христа над её входом. Вид за окном успокаивал его и придавал уверенности, что всё будет хорошо, Мария родит ему прекрасное дитя, и волнение его понемногу утихало.

Входная дверь скрипнула. В горницу вошёл отец Михаил. Священник был небольшого роста, с окладистой, тщательно расчёсанной седой бородой. На вид ему было лет семьдесят, а сколько на самом деле – никто не знал. Служил он в местной церкви давно, ещё при родителях Кирилла.

Хозяин поклонился гостю.

Отец Михаил перекрестился на иконы, поклонился боярину и спросил мягким успокаивающим голосом:

– Волнуешься, боярин?

– Волнуюсь, отче, как-то всё будет!

– Не волнуйся, сын мой, всё в руках Господа, а Он милостив.

– Господи! Помоги Марии, чтоб всё хорошо было! – Кирилл повернулся к иконам и перекрестился.

Отец Михаил слегка обнял его за плечо.

– Присядь и послушай меня, сын мой. Праведность твоя и Марии известна не только людям, но и Богу. Да и Мария в ожидании ребёнка берегла себя.

– Да, отче, Мария была особенно внимательна к своему состоянию, тщательно соблюдала душу и тело в чистоте и строгом воздержании во всём, – говорил Кирилл, изредка поглядывая на дверь комнаты боярыни.

– Коли богобоязненная мать пребывала в строгом посте и частой сердечной молитве, так и самое дитя, благословенный плод её чрева, ещё до появления своего на свет некоторым образом уже освящается постом и молитвою. С Божьей помощью благословенная жизнь ваша вознаградится рождением славного дитяти. А ты, боярин, не волнуйся, вы с Марией всё правильно делали.

– Так ведь, отче, все родители должны так поступать, – сказал Кирилл.

– Должны все, да не все то исполняют, – в голосе отца Михаила послышалась грусть. – Если бы родители знали, сколько добра или, напротив, сколько зла могут они сообщить своим детям ещё до их рождения! Они удивились бы точности суда Божия, который благословляет детей в родителях и родителей в детях и отдаёт грехи отцов на чада, и, зная о том, с благоговением проходили бы служение, вверенное им.

В горницу снова вбежал Стефан.

– Тятя, скоро мама родит? – мальчику не терпелось узнать, что будет дальше.

– Скоро, сынок, скоро, – ответил Кирилл тихо.

За дверью спальни раздался крик младенца. Мужчины встали. Кирилл быстро направился к двери, за ним Стефан, на его лице, выражались одновременно и испуг, и любопытство. Отец Михаил подошёл к иконам, перекрестился и стал молиться. Кирилл и Стефан остановились перед дверью, прислушиваясь. Постепенно крик младенца затих. Дверь спальни открылась, и оттуда вышла пожилая служанка Марфа.

– Марии Бог дал сына, боярин. Всё, слава Богу, хорошо, теперь ей надо отдохнуть, – при этом она рукой преградила путь Кириллу, который порывался пройти в спальню.

Боярин послушно отступил назад, подошёл к иконам, опустился на колени и стал молиться:

– Господи! Благодарю за доброту Твою. Ты один, Всемогущий, даруешь нам жизнь и хранишь нас, грешных.

Стефан, стоя на коленях рядом с отцом, смотрел на него и повторял его слова и действия.

Окончив молитву, Кирилл снова стал ходить по горнице от окна к двери в спальню Марии. Энергичными действиями он старался унять нетерпение и волнение перед встречей со своим новорожденным сыном. Стефан молча сидел на скамье у окна и внимательно смотрел на отца. Он ещё не понимал волнения взрослых, но некоторое беспокойство передалось и ему. Отец Михаил продолжал молиться. Длилось это до тех пор, пока Марфа, наконец, позволила войти к Марии.

Кирилл тихонько приоткрыл дверь в спальню. Заглянув в неё, он замер в изумлении, ему показалось, что он всё это видит впервые. Через неплотно закрытые занавески в комнату светило солнце, лучи его отражались на чистом полу. Тишина и покой. На широкой кровати, на белых простынях, накрытая белым покрывалом, опираясь спиной на подушки, лежала Мария, молодая женщина лет двадцати пяти. Русые волосы, выбившись из-под белой косынки, обрамляли её красивое с тонкими чертами бледное лицо, голубые усталые глаза светилась радостью. Рядом со счастливой матерью на подушках, завернутый в пелёнки, лежал младенец. Личико у него сморщенное, глазки закрыты, он спал. Мария с улыбкой смотрела на мужа и сына.

Кирилл, боясь побеспокоить новорожденного, на цыпочках подошёл к кровати. Следом за отцом, тоже на цыпочках, прошёл Стефан. Кирилл осторожно поцеловал Марию.

– Как чувствуешь себя, солнышко моё?

– Слава Богу, всё хорошо, а это дитяtko наше... Нравится он вам?

Душу Кирилла переполнила радость:

– Какой красавец, богатырь! Счастливишь ты меня детьми, дорогая моя, благодарю Бога за такой подарок.

Мария посмотрела на Стефана:

– А тебе, сынок?

– И мне нравится, красивенький такой, – с детской непосредственностью ответил Стефан и попытался поцеловать ребёнка.

Мария жестом остановила его:

– Пока не надо его трогать, пусть он спит.

В спальню вошла Марфа:

– Боярин, матушке отдохнуть надобно, больно устала она.

– Спасибо тебе, Марфуша, – ответил Кирилл, не скрывая радости.

Марфа улыбнулась:

– А мне за что, боярин? Ты боярыне да себе скажи спасибо за такое прекрасное дитя.

– Ведь ты у нас с женой главная помощница. Трудно было бы ей без твоих забот.

Кирилл наклонился к Марии, ещё раз поцеловал её:

– Отдыхай, радость моя, мы помолимся за вас обоих. Пойдём, сынок.

Стефан тоже поцеловал Марию:

– Я рад, что братик родился, буду его любить и оберегать. Отдыхай, матушка.

– Идите, идите, – с улыбкой ответила Мария.

Кирилл и Стефан на цыпочках тихо вышли из спальни.

В горнице отец Михаил продолжал молиться.

– Тятя, я побегу расскажу на дворе про братика, – с нетерпением сказал Стефан и побежал к выходу.

– Иди, сынок, – вдогонку ему ответил Кирилл ласково.

Прервав молитву, отец Михаил повернулся. Кирилл попытался что-то сказать, но отец Михаил, увидев радость в его глазах, жестом остановил его.

– Можешь ничего не говорить, сын мой, вижу сам, что радость великая сошла на дом сей. Возблагодарим Господа Бога нашего за благодать, ниспосланную на семейство ваше, – отец Михаил перекрестился. – Пойду в храм, помолюсь за здоровье новорожденного младенца и матери его Марии.

– Господи! Спасибо Тебе за милость Твою и за то, что не оставляешь нас, грешных, – Кирилл перекрестился и с поклоном обратился к отцу Михаилу:

– Отче, милостиво прошу почтить нас сегодня вечером своим присутствием. Все вместе поблагодарим Бога за сию новую милость, явленную нам.

– Благодарствую, боярин, за приглашение. Бог вам в помощь, – с поклоном ответил отец Михаил.

Кирилл проводил его до двери, выглянул на галерею и громко позвал:

– Агафья, покличь Козьму.

В горницу вошёл управляющий хозяйством Козьма, широкоплечий, невысокого роста мужчина средних лет.

– Козьма, – обратился к нему Кирилл, – сегодня вечером придут родные и знакомые разделить с нами радость по случаю рождения нового члена семьи нашей. Вели приготовить стол для нас и ещё стол для прислуги и дворовых. Поселянам раздайте угощения, ведь радость-то какая – сын родился!

– Дай ему Бог здоровья. Не волнуйся, боярин, всё сделаем, – поклонившись, Козьма поспешно вышел.

Кирилл вернулся к иконам, опустился на колени и стал молиться.

Как было принято, на сороковой день после рождения Кирилл с ребёнком на руках, Мария, Стефан, Козьма, Марфа и трое родственников, все в праздничных одеждах, пришли в церковь. Деревенская улица, окрестные луга и дубрава были покрыты яркой зеленью, радостно светило солнце. На пороге церкви счастливых родителей встретил отец Михаил. Пришедшие поклонились ему, и Кирилл торжественно произнёс:

– Вот, отче, принесли мы младенца нашего, чтобы совершить над ним святое крещение и представить дитя в непорочную жертву Богу, Который дал его.

– Хорошо, дети мои, всё готово, войдите в храм Божий, – позвал отец Михаил.

Кирилл с ребёнком на руках, за ним Мария, Стефан, Марфа, Козьма и родственники торжественно двинулись за священником.

Сельская церковь, украшенная берёзовыми ветками, выглядела празднично. Сквозь окна проникал солнечный свет. На гладких стенах висели иконы, перед ними горели лампадки и свечи в кованных подсвечниках. Священник и все собравшиеся подошли к купели. Отец Михаил, совершая обряд крещения, прочитал молитву, затем, держа младенца на руках, произнёс:

– Крещается раб Божий Варфоломей во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Троекратно погрузив младенца в купель, завернул его в белое покрывало, передал Козьме и возложил на младенца крест:

– И сказал Спаситель: «Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе, и возьмет крест свой и по Мне грядет».

Всё время, пока в церкви совершалось таинство крещения, младенец молчал, вёл себя спокойно и улыбался.

Закончился обряд крещения. Крёстный отец Козьма передал младенца Марии и направился к выходу из церкви. Все двинулись следом. Отстав от остальных, Кирилл и Мария подошли к отцу Михаилу. Немного волнуясь, Мария обратилась к нему:

– Батюшка, имя Варфоломей по самому значению своему – Сын радости – особенно утешительно для нас, родителей.

– Младенец ваш наречён именем сим, – с почтением ответил священник, – в память святого апостола Варфоломея, одного из преданнейших учеников Христа.

– Однако, отче, мы сильно беспокоимся и просим тебя пояснить случай, бывший со мной в церкви, – продолжила Мария.

– О чём молвишь, дочь моя? – со вниманием спросил отец Михаил.

– Однажды, когда младенец был ещё у меня во чреве, – сказала Мария дрожащим голосом, – я тихо стояла в притворе вместе с прочими жёнами. Когда началась Божественная Литургия, перед чтением святого Евангелия, младенец вдруг вскрикнул, да так, что многие обратили на то внимание. А на пении Херувимской песни младенец вскрикнул в другой раз. Когда возгласили «Святое – святым!», младенец вскрикнул третий раз. Тогда я от страха едва не упала и заплакала.

Мария приложила платок к глазам.

– Не волнуйся, радость моя, всё уже позади, – Кирилл погладил жену по плечу и продолжил, обращаясь к отцу Михаилу: – Окружили её женщины и, желая успокоить, стали спрашивать, где у неё младенец. Но Мария, обливаясь слезами, едва вымолвила, что дитя ещё во чреве. Тогда женщины оставили её в покое, не переставая удивляться этому необыкновенному случаю. Прошу тебя, отче, как сведущий в Священном Писании, просвети нас об этом событии.

Батюшка немного подумал, внимательно посмотрел на Марию и тихо, стараясь успокоить взволнованных родителей, ответил:

– Чудо сие я помню, дети мои; есть много примеров из Ветхого и Нового заветов, когда избранныки Божии ещё от чрева матери были предназначены на служение Богу.

Кирилл и Мария с тревогой и вниманием слушали.

Отец Михаил продолжил:

– Достоин удивления, что младенец, будучи во чреве матери, вскрикнул именно в церкви, в месте чистом и светлом, где пребывают святые Господни и совершаются священнодействия. Сие есть знамение, что и сам он будет совершенною святынею Господа в страхе Божиим. Вскрикнул он при народе как бы для того, чтобы многие его услышали и сделались свидетелями сего обстоятельства.

Замечательно и то, что прокричал он не тихо, но на всю церковь, как бы давая понять, что по всей земле распространится слава о нём. И возгласил он во время молитвы, распознав наиболее важные моменты в богослужении, тем приобщаясь к ним и указывая на то, что он будет крепким молитвенником перед Богом. Достоин замечания также и то, что возгласил он именно трижды, являя тем, что он будет истинным учеником Святой Троицы, единосущной во едином Божестве.

– Боже Праведный! За что же с нами это случилось, – тихо вымолвила Мария и смахнула слезу.

– Успокойся, боярыня-матушка, такова воля Господня. Такому детищу, которое по устроению Божию должно будет впоследствии послужить духовной пользе и спасению многих, подобает иметь родителей святых, дабы доброе произошло от доброго и лучшее приложилось к лучшему, дабы взаимно умножилась похвала и рождённого и самих родивших во славу Божию.

Кирилл и Мария, потрясённые словами священника, некоторое время молчали, пытаясь осознать смысл сказанного. Наконец, немного придя в себя, Мария с трепетом в голосе спросила:

– Отче, мы всегда были преданы воле Божией и внимательны к путям провидения. Перед святыми иконами даём обещание, – Мария повернулась к иконам и перекрестилась, – посвятим мы сына нашего на служение Богу, и сделаем для того всё, что в наших силах, сохранил бы только Господь его в добром здравии.

– Помогите нам Господи, – крестясь, добавил Кирилл, – но скажи, отче, что нам теперь делать?

– Не смущайтесь, дети мои, примите сию милость Господа нашего, – ответил ласково отец Михаил, – воспитывайте дитя сообразно с указаниями его промысла, а паче радуйтесь, что сын ваш будет избранным сосудом Духа Божия. Господи, благослови дитя и его родителей, – отец Михаил перекрестил Кирилла и Марию, – идите с миром.

Младенец Варфоломей подрастал, не доставляя особых хлопот родителям, только иногда его поведение было непонятным Марии и вызывало беспокойство.

Однажды в ноябре месяце в середине дня Мария в своей спальне сидела на краю кровати с ребёнком на руках. Сквозь прикрытые занавески в комнату проникал осенний солнечный свет. Встревоженная мать безуспешно пыталась кормить грудью ребёнка и тихим голосом упрашивала его:

– Сыночек, миленький, ну поешь хоть немножечко, ведь ты совсем голодненький. Не расстраивай свою матушку.

Уговоры на ребёнка не действовали, он отворачивался и упорно не желал брать грудь.

– Ну, что мне с тобой делать, уж не захворал ли ты? – вздохнула Мария.

Вошла Марфа. Мария печально посмотрела на неё:

– Марфа, измучилась я, дитячко опять грудь не берёт. Вчера хорошо ел, а сегодня отказывается. Может, заболел? Что же мне делать-то? Уж не первый раз. Я ведь просила тебя позвать знахарку.

– Баба Нюха обещала быть, боярыня. Схожу, узнаю, не пришла ли, – ответила Марфа и вышла из спальни.

Мария упорно пыталась дать грудь младенцу, но безуспешно. Вернулась Марфа:

– Боярыня, пришёл отец Михаил. И баба Нюха тут.

– Пусть войдут, – Мария прикрыла грудь.

В спальню вошёл отец Михаил, перекрестился на иконы, поклонился Марии:

– День добрый, боярыня. Все ль в добром здравии?

– Благодарствую, батюшка, Бог милостив. Проходи, присядь, – ответила Мария.

В комнату вошла Марфа и вслед за ней баба Нюха, седая сгорбленная старушка небольшого роста.

– День добрый, матушка-боярыня, – тихо и ласково сказала старушка. – Зачем звала? Аль тревожит что тебя?

– День добрый, баба Нюха. Я, слава Богу, здорова, а вот дитя меня беспокоит, от сосцов отказывается.

– Сейчас, матушка, поглядим. Покажи-ка мне его. Аты, милая, открой занавески, – обратилась баба Нюха к Марфе, – пусть солнышко светит, от него младенцу, да и нам радость.

Мария положила дитя на кровать и распеленала его. Старушка внимательно осмотрела и ощупала мальчика. Он лежал спокойно, молчал, только играл ручками и ножками. Старушка улыбнулась ему и спокойно и уверенно молвила:

– Матушка, нет на ребёночке никакой хвори, ни сверху, ни внутри. Мальчонка твой здоровёшенький. Может, ты нездорова? Аль вкушала чего, что дитя не приемлет?

– Я, баба Нюха, слава Богу, чувствую себя в добром здравии, – ответила Мария, пленая сына. – Только вот заметила я, что дитя не берёт сосца, когда я вкусила мясной пищи. И уж без всякой причины по средам и пятницам, так что в эти дни младенец остаётся вовсе без пищи.

– И давно так?

– Да уж не раз и не два, а постоянно. Я очень беспокоюсь, думаю, что дитя нездорово.

– Здорово дитя, матушка, слава Богу, здорово, – сказала старушка и посмотрела на отца Михаила.

– Помнится, матушка-боярыня, – тихо сказал священник, – ты говорила, что, когда носила дитя, то блюла себя в строгом посте и сердечной молитве. Так сей младенец от чрева матери познавал Бога. Теперь он в пеленах поучается истине, с самой колыбели привыкает к посту и вместе с молоком матери навывает воздержанию.

Мария взглянула на батюшку, немного помолчала, вспоминая и сопоставляя свои действия с его словами. Поняв свои ошибки, она ответила:

– Благодарствую, отче, я всё поняла, буду и далее соблюдать пост. Однако я всё равно беспокоюсь, ибо, когда я пыталась отдать младенца нашей кормилице, дитя тоже не взяло её сосцов. Было то и с другими кормилицами.

– Мудрость веков говорит нам, что добрая отрасль доброго корня питается только чистым молоком родившей его, – спокойно и назидательно продолжил священник. – С молоком родной любящей матери в младенца вливаются его будущие склонности и нравы. Для чего же Творец естества наполняет молоком сосцы матери, если не для того, чтобы приготовить в них для младенца питательную пищу?

– Отче, но ведь есть матери, которые отдают своих младенцев кормилице, – заметила Мария.

– Святой Златоуст говорит нам: «Бывают матери, которые своих детей отдают кормилицам. Христос не попустил сего. Он питает нас собственным телом и наполняет собственной кровью». Матери, не почитающие заповедей святых отцов наших, не считают важным делом кормить дитя своей грудью, однако это весьма прискорбно, чужое молоко не так полезно младенцу, как молоко родившей его. Дитя, вскормленное чужим молоком, не будет иметь к матери такой любви и привязанности, которую имеют дети, вскормленные её собственным молоком.

– Благодарю, батюшка, вразумил ты меня, неразумную.

– Бог тебе в помощь, матушка-боярыня. Всё будет хорошо. Храни вас Господь. Пойду я.

– Спаси Бог, батюшка, – ответила Мария и поклонилась.

Отец Михаил перекрестился на иконы и тихо вышел из спальни.

– Спасибо и тебе, баба Нюха, успокоила ты меня, добрая ты. Могу ли я что для тебя сделать?

– Благодарствую, матушка, за доброту твою. Что мне старой надо, всё есть. Я тоже пойду, – ответила старушка и тихонько вышла.

Мария взяла на руки младенца и стала его баюкать.

Год 1326

Школа. Трудности в учении. Встреча со старцем и его пророчество. Постижение грамоты.

Наши благочестивые предки всегда смотрели на обучение грамоте, как на дело священное: грамота приучала человека к чтению и уразумению Божественных Писаний. Обучение грамоте сыновья боярина Кирилла вместе с другими детьми их поселения проходили в школе грамотности, учреждённой попечением Ростовского Епископа. Размещалась она в бревенчатом доме в три окошка, который ставили всем миром ещё лет тридцать назад. Школьный двор был обнесён невысокой изгородью. У калитки росли берёзы, в их ещё зелёной листве кое-где уже проглядывали золотистые листья: наступала осень. Солнечные лучи согревали меньше, дни становились короче.

Под окнами школы весело и шумно играли дети разного возраста от пяти до двенадцати лет. Во двор вошли сыновья боярина Кирилла. Первым выступал двенадцатилетний Стефан, высокий белокурый мальчик, следом – светловолосый шестилетний Пётр, позади всех, понурив золотистую головку, нехотя двигался семилетний Варфоломей.

Стефан остановился, подождал брата и толкнул его в спину:

– Иди, иди, не отставай!

Варфоломей дёрнулся, отстраняя руку Стефана, и произнёс угрюмо:

– Не хочу идти в школу.

– Иди, иди, а то мамка и тятя сердиться будут, грамоту обязательно знать надо, – строго сказал Стефан и подошёл к шумной ватаге ребят.

Подошёл к ним и Пётр. Варфоломей остался стоять у калитки, глядя с тоской на улицу.

Из дверей школы вышел сухонький, с чёрной реденькой бородкой учитель-дьячок, весело глянул на своих галдящих питомцев:

– Отроки, пора на урок, – тихим, но твёрдым голосом изрёк наставник.

Дети нехотя прекратили игру и отправились за учителем. Последним плёлся Варфоломей.

В классе висел щит для письма мелом, сколоченный из гладко струганных досок и выкрашенный луковым отваром. Через три небольших окошка в помещение проникали солнечные лучи уходящего лета. У стены, за которой находилась комната учителя, выделялась большая печь.

Шумной толпой дети ввалились в класс, расселись парами на скамейках лицом к доске. У каждой пары была книга с рукописным текстом.

Учитель обратился к классу:

– Продолжим, отроки, читать Псалтирь. Откройте псалом шестьдесят восьмой.

Дети неспешно, бережно, боясь повредить драгоценные листы, стали искать нужные страницы.

– Все нашли? – учитель оглядел учеников. – Никодим, читай, а вы все смотрите в книгу, повторяйте вслух и запоминайте.

Никодим, мальчик лет десяти, бойко начал:

– «Спаси меня, Боже, ибо воды дошли до души моей. Я погряз в глубоком болоте, и не на чем стать, вошёл во глубину вод, и быстрое течение их увлекает меня».

Все хором повторяли за ним.

– Довольно, сын мой, похвально усердие твоё. Прохор, читай далее.

Восьмилетний Прохор продолжил чтение:

– «Я изнемог от воля...».

– Прохор, не пропускай буквы, – спокойно заметил учитель.

– «...от вопля, – поправился Прохор, – засохла гортань моя; истолились...».

Наставник взял тонкий прутик, подошёл к съёжившемуся Прохору и резко, но осторожно ударил его по бедру, стараясь при этом не задеть соседа.

– Ой! – пискнул Прохор и почесал ушибленное место.

– Читай внимательно, лучше медленно, но правильно, – спокойно сказал учитель.

– «...истомились глаза мои от ожидания Бога моего», – продолжил Прохор медленно и правильно.

– Хорошо, довольно. Посмотрим, чему научился Пётр, читай.

Пётр произносил текст медленно, по слогам, без ошибок:

– «Ненавидящих меня без вины больше, нежели волос на голове моей: враги мои, преследующие меня несправедливо, усилились; чего я не отнимал, то должен отдать...».

– Молодец, – прервал его учитель и внимательно посмотрел на Варфоломея. – Теперь Варфоломей покажет нам, как он освоил грамоту.

Варфоломей начал медленно, заикаясь и часто ошибаясь, читать:

– «Боже! Ты знаешь безумие моё, и грехи мои не скрыты от Тебя. Да не постыдятся во мне все надеющиеся на Тебя, Господи Боже сил...».

Слушая его, учитель всё более хмурился и наконец прервал, говоря печальным тоном:

– Варфоломей, брат твой Пётр младше тебя, а читает лучше, чем ты. Что ж так плохо у тебя грамота идёт? Отстал ты от братьев, чем премного огорчаешь родителей своих. Когда ты начнёшь учиться?

– Я стараюсь, учитель, только грамота мне не даётся, – еле слышно проговорил Варфоломей. – Наверное, маленьким легче учиться.

Дети дружно засмеялись. Варфоломей сидел с унылым видом, низко опустив голову.

– Дети, тихо, – строго сказал учитель, – нельзя смеяться над товарищем. Варфоломей – упорный мальчик, и он добьётся своего, будет лучшим учеником в школе. Теперь скажите мне, как вы поняли прочитанное.

Руку поднял мальчик постарше:

– Учитель, я не понимаю слова «воды дошли до души». Он что, тонет?

– «Воды» означает здесь обилие бедствий, «до души» – значит «жизни». Бедствия Давида так многочисленны, что угрожают его жизни.

– Учитель, а можно мне спросить? – нетерпеливо протянул руку соседний мальчик.

– Спроси, – сказал учитель.

– А как это можно – отдать то, чего не отнимал?

– Это значит, что приходится отвечать за то, чего не делал. Настоятельность и неусыпность своей молитвы к Богу Давид оправдывает горячим исповеданием перед Ним своей невинности и тяжести бедствия. «Ведь Ты, Господи, знаешь всё моё поведение и мои грехи, знаешь поэтому, как незаслуженно то, что я терплю». Сие вам понятно?

– Понятно, – ответил хор голосов.

– Читаем далее, – учитель перевернул страницу и продолжил занятия.

Уроки длились ещё часа два с небольшими перерывами. В конце занятий учитель, как всегда, дал ученикам очередное наставление:

– Дети, мы с вами учили Заповеди Господа нашего Иисуса Христа, и мы ещё много раз будем к ним возвращаться. Вы все должны их хорошо помнить и всегда исполнять. Сегодня я расскажу вам ещё одну мудрость, которой всегда надлежит следовать. Взята она из одной старинной византийской книги, написанной на греческом языке. Там сказано: никогда не желайте и не ищите мщения; всегда будьте готовы помочь брату в опасности, даже рискуя собственной жизнью; уважайте своих родителей выше всего; уважайте старость и защищайте тех, кто слабее вас. Твёрдо запомните это, дети.

Увидев, что дети устали, учитель отпустил их. Радуюсь вольной жизни, мальчики дружной ватагой выскочили из школы и побежали по домам. Улица огласилась их звонким смехом и боевыми возгласами, которые постепенно затихали. Вскоре дети, как горох на столе, рассыпались по своим дворам, весёлый гомон стих, на улице вернулся обычный сельский покой.

Когда Варфоломей входил к себе во двор, вид у него был угрюмый, голова опущена. Увидев его, работник, чинивший телегу, видимо, желая развеять грустные мысли ребёнка, с улыбкой спросил:

– Как дела в школе?

Варфоломей, не ответив на вопрос, махнул рукой и пошёл к лестнице на галерею.

– Понятно. Не унывай, всё пройдёт, – сказал ему вслед работник.

Пройдя по галерее, Варфоломей осторожно приоткрыл слегка скрипнувшую дверь и крадучись вошёл в горницу. Мария сидела у окна, что-то шила и тихо напевала. Выглядела она моложе своих тридцати двух лет: на лице здоровый румянец, светлые волосы, собранные в косу, тщательно уложены венцом на голове. Мельком взглянув на сына, она тихо спросила:

– Ты один? А где братья?

– Они с ребятами на улице в бабки играют, – так же тихо ответил Варфоломей.

– Что ж ты не остался с ними?

– Не хочу я.

Мария, прервав шитье, пристально посмотрела на сына:

– А что ты, сынок, такой грустный, опять в школе нелады?

– Матушка, я так стараюсь, но ничего у меня не получается, – еле сдерживая слёзы, ответил Варфоломей и выбежал из горницы в невысокую дверь, за которой находилась домашняя моленная комната с небольшим иконостасом, перед которым висела лампада и стоял аналой из чистого светлого дерева. На боковой стене напротив окна помещались несколько полок с книгами в кожаных и деревянных переплётах.

Войдя в моленную, Варфоломей сел в дальнем углу. Некоторое время он тихо плакал, затем поднялся, подошёл к иконостасу и стал молиться сквозь слёзы:

– Господи, почему я такой неспособный? Я очень, очень хочу учиться, хочу уметь читать, как все ребята. Как же я без этого проживу? Дай мне, Господи, понять грамоту. Научи меня, Господи, просвети и вразуми!

Выплакавшись, он затих.

Тем временем в горницу вошёл Кирилл. Он возмужал, пополнил, выглядел бодрым и крепким для своих лет.

– Дети пришли? – спросил он, обнимая и целуя жену.

В ответ на его ласку Мария улыбнулась и, не желая расстраивать мужа, сказала равнодушным тоном:

– Стефан с Петром на улице играют, – затем, немного помолчав, как бы оправдывая сына, добавила: – Варфоломей в моленной. Не идёт у него учёба, сильно он огорчается из-за этого.

– Я говорил с учителем, он тоже печалится о том, что мальчик лишается великого дара Божия – учения книжного. Да, тяжело ребёнку, когда он всей душой желает учиться, но всё время сталкивается с непреодолимыми препятствиями.

Открылась дверь моленной, оттуда вышел Варфоломей. Кирилл увидел заплаканное лицо сына и ему до боли стало его жалко. Он обнял его, легонько прижал к себе и ласково сказал:

– Не печалься, сынок, придёт время, всему научишься с Божьей помощью.

– Батюшка, я так стараюсь, но ничего не выходит, – с отчаянием произнёс Варфоломей.

– Видимо, надо, чтобы ты ранним опытом понял, что никаких способностей, никакого знания, никакого успеха не должно приписывать себе, но единственно Богу, от которого свыше исходит всякий дар совершенный и всякое деяние благое.

– Я всё равно выучусь грамоте, правда, выучусь, – тихо и уверенно обещал Варфоломей.

– Всё преодолёют прилежание и труд, а наипаче желание и молитва, исходящая от чистого сердца. Усердно трудись, и Бог поможет тебе. Всё наладится, сынок.

Варфоломей поднял на отца заплаканное лицо, улыбнулся и подошёл к Марии. Она ласково обняла его.

– Пойду, посмотрю по хозяйству, – сказал Кирилл и вышел из горницы.

Была вторая половина дня, солнце уже клонилось к горизонту. Во дворе управляющий Козьма и трое работников выгружали из телеги мешки с зерном и носили их в амбар. Кирилл спустился по лестнице, отправился в конюшню. Вскоре вышел оттуда и спросил у Козьмы:

– Что-то я жеребят не вижу.

– На лугу пасутся. Сейчас пошлю за ними, – ответил управляющий, жестом подзывая к себе работника, вышедшего из амбара.

– Пусть люди работают, – остановил его Кирилл. – Лучше кликни мне Варфоломея, отправлю его за жеребятами, он любит бродить по лугам, да и отвлечётся малость, с учёбой у него опять нелады.

– У него всё впереди, боярин, он мальчик смыслённый и трудолюбивый, – уверенно сказал Козьма.

– Так-то оно так, да уж больно он переживает.

Козьма поднялся на галерею, постучал в дверь, вызывая Варфоломея, и уже вдвоём они спустились вниз.

– Сынок, пойдёшь поищи жеребят, да пригони их домой, – предложил мальчику отец.

– Бегу, – с радостью ответил Варфоломей и скрылся за воротами.

Выйдя на улицу, он направился к дубраве, неподалёку от которой на лугу обычно паслись жеребята. На краю усадьбы он увидел мальчишек, игравших в бабки. Среди них были Стефан и Пётр. Старший брат окликнул его, приглашая принять участие в забаве, но Варфоломей, опустив голову, молча прошёл мимо. Стефан безнадежно махнул рукой и продолжил игру.

Обогнув забор усадьбы, Варфоломей вышел на луг. Лицо его повеселело, он с интересом смотрел по сторонам, любовался деревьями, на которых уже понемногу начали желтеть листья. Прошёл через скошенный луг, мимо берёзок, стоявших хороводами, поднялся на пригорок, на вершине которого рос лиственный лес. Он шёл к большому раскидистому дубу на краю леса. Этому дубу, наверное, было уж лет сто, может быть, больше. Мальчик любил прислониться к нему и слушать ласковый шелест листьев, смотреть на расстилающиеся впереди луга, перелезая, речку с её крутыми поворотами, на своё село с маленькими домиками и возвышающейся над ними церковью. Любил смотреть на небо и думать, как прекрасен и многообразен мир, сотворённый Богом, и как должен быть велик и мудр Творец, создавший такую красоту. Когда он так размышлял, покой приходил в его душу.

Варфоломей миновал берёзовую рощу и увидел, что у его дуба стоит старец-черноризец, саном пресвитер, и молится перед иконой, прикрепленной к стволу дерева. Раньше Варфоломей не видал здесь этой иконы, и старца он тоже не встречал. Поклонившись черноризцу, который мельком взглянул на него, перекрестившись на икону, Варфоломей остановился недалеко в сторонке и стал с почтением ждать. Закончив молитву, старец повернулся к Варфоломею и ласково сказал:

– Подойди ко мне, дитя. Спаси и сохрани тебя Господь, – и поцеловал подошедшего к нему мальчика в макушку. – Что тебе надобно, чадо?

– Ищу я жеребят, отче, – ответил робко Варфоломей.

– А что печален так?

Мучительные переживания из-за трудностей в учёбе, покинувшие Варфоломея за время прогулки, снова вернулись к нему. На его глазах появились слёзы. Опустив взор, он тихо ответил:

– А печаль моя, отче святой, оттого, что более всего желаю я читать слово Божие, но, сколько ни стараюсь, никак не могу выучиться. – Варфоломей смахнул рукавом слезу и стал умолять старца: – Помолись за меня Богу, отче святой, попроси у Господа, чтобы он открыл мне учение книжное. Я верю, что Бог примет твои молитвы.

– Вижу я усердие твоё и люблюсь красотой твоей детской души, отрок. Помолюсь за тебя Богу, испрошу тебе просвещения свыше, – ласково сказал старец, повернулся к иконе, вздохнул и стал молиться.

Варфоломей стоял рядом и молился, как умел, своей детской чистой молитвой. От внимания мальчика не ускользнуло, что старец молился неслышно, едва шевеля губами, и закончил свою молитву словом «аминь».

Тогда Варфоломей учтиво обратился к нему:

– Отче святой, дозвошь спросить тебя.

– Спроси, – разрешил старец.

– А почему ты молишься совсем беззвучно, разве так Господь услышит твою молитву?

– Знай, дитя, Господь слышит не звуки слов, а смысл молитвы, исходящей из глубин души, от искреннего и преданного Ему сердца.

– А мне как молиться, отче?

– В Священном Писании сказано: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе. А молясь, не говори лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своём будут услышаны; не уподобляйся им; ибо знает Отец ваш, в чём вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него». Только крепко помни, чадо, никогда не проси Господа о том, что может быть бедствием для многих и не проси о пользе для одного, если это приведёт к потерям для других.

Сказав это, старец достал из-за пазухи небольшой ковчежец, открыл его, бережно вынул оттуда тремя перстами малую частицу святой просфоры и, благословляя её отрока, промолвил:

– Возьми сие, чадо, и снеждь. Сие даётся тебе в знамение благодати Божией и разумения Святого Писания. Не смотри на то, что частица святого хлеба так мала, зато велика сладость вкушения от неё.

Варфоломей принял дар, с благоговением вкусил святого хлеба и спросил:

– Не об этом ли сказано в псалмах: «Как сладки гортани моей слова Твои! Лучше мёда устам моим. Повелениями Твоими я вразумлён; потому ненавижу всякий путь лжи. Слово Твоё – светильник ноге моей и свет стезе моей».

– Зрю я, дитя, ты псалмы знаешь, – старец внимательно посмотрел на Варфоломея.

– Я много псалмов наизусть заучил со слов своих родителей и часто повторяю их, когда один гуляю по полям и лугам, – бесхитростно ответил ребёнок.

– Если веруешь, чадо, больше сих узришь. А о грамоте не скорби: ведай, что отныне Господь даст тебе разумение книжное. Теперь пора мне.

Варфоломей стал просить старца:

– Не уходи, отче святой. Посети дом родителей моих, они очень любят таких, как ты! Не лиши же и их своего святого благословения.

– Спасибо, дитя, – ласково сказал старец и погладил Варфоломея по головке. – Должны быть счастливы родители, которых Бог благословил таким сыном! Идём с Богом.

– Пойдём, отче, – обрадовался Варфоломей и пошёл в сторону села.

Старец с улыбкой последовал за ним. По дороге мальчик увидел трёх стреноженных жеребят, пасущихся на лугу.

– Вон жеребята наши, – радостно крикнул он и побежал вперёд, чтобы погнать их к дому. Старец продолжал идти размеренно, ласково наблюдая за отроком.

Увидев брата с незнакомым старцем, Стефан и Пётр прекратили игру и направились вместе с Варфоломеем к своему дому. Через открытые ворота братья загнали жеребят во двор. Работник распутал их и завёл в конюшню.

Услышав шум во дворе, на галерею вышел Кирилл, спустился по лестнице, подошёл к черноризцу и поклонился ему:

– Милости просим в наш дом, отче.

– Благодарствую, боярин, мир дому вашему, – ответил с поклоном гость.

Кирилл и старец поднялись наверх. Следом, не скрывая любопытства, спешили Стефан, Варфоломей и Пётр.

В горнице их встретила Мария.

– День добрый, боярыня, – тихо произнёс старец, поклонившись. – Отрок ваш пригласил меня. Святое он дитя. Поистине такие дети есть Божий дар; они не только в себе самих носят благословение небесное, но и собирают его отовсюду, чтобы привлечь на дом родителей.

Мария поклонилась в ответ:

– Старец-инок всегда желанный гость в нашем доме.

– Благослови, Господи, дом сей, дай долгих лет жизни его хозяевам, спаси их и сохрани, – старец перекрестился.

– Благодарим тебя, отче. Радужно просим отведать нашего угощения, чем Бог послал.

– Благодарствую, – гость помедлил, – но прежде следует вкушать пищи духовной.

– Проследуем, отче, в моленную нашу.

Кирилл жестом пригласил старца и сам вошёл за ним, а следом и Мария с детьми.

В моленной гость перекрестился на иконы, прочитал краткую молитву, снял с полки книгу, открыл её и положил на аналой. Подозвал Варфоломея:

– Прочти, дитя, псалмы.

– Нет, отче, не могу я читать, не получится у меня, – ответил Варфоломей дрожащим голосом.

– Читай, отрок, слово Божие без сомнения, – ласково, но твёрдо произнёс старец.

Варфоломей посмотрел на него умоляющим взглядом:

– Благослови меня, отче.

– Благословляю тебя, сын мой, – произнёс тот и осенил Варфоломея крестным знаменем.

Мальчик перекрестился и начал читать. Неожиданно для себя он произносил слова чётко и внятно:

– Псалом пятый. «Услышь, Господи, слова мои, уразумей помышления мои. Внемли гласу вопля моего, Царь мой и Бог мой! ибо я к Тебе молюсь. Господи! рано услышь голос мой, – рано предстану пред Тобою и буду ожидать, ибо Ты Бог, нелюбящий беззакония; у Тебя не водворится злой; нечестивые не пребудут пред очами Твоими. Ты ненавидишь всех, делающих беззаконие. Ты погубишь говорящих ложь; кровожадного и коварного гнушается Господь. А я, по множеству милости Твоей, войду в дом Твой, поклонюсь святому храму Твоему в страхе Твоём. Господи! путеводи меня в правде Твоей, ради врагов моих; уравни предо мною путь Твой».

На лицах всех присутствующих выразилось крайнее изумление. Счастливые Кирилл и Мария посмотрели друг на друга. Дети молча открыли рты от удивления.

Старец положил руку на плечо Варфоломея:

– Довольно, дитя. Вспомним слова пророка: «Тако глаголет Господь: се словеса Моя во уста твоя». О грамоте более не скорби. Отныне Господь даст тебе разумение книжное паче братьев твоих и товарищей, так что и других учить будешь.

Мария всплеснула руками:

– Чудо-то какое! Слава тебе, Господи! Благодарим сердечно тебя, отче святой, – она перекрестилась и вытерла мокрые глаза.

Обращаясь к детям, старец произнёс:

– Дети мои, по своему интересу, способностям и желаниям своим выберите себе цель в жизни и просите Господа нашего о помощи. Своим упорным трудом и молитвой, с Божией помощью обязательно добьётесь успеха. Святой апостол Иаков учит нас: «Если же у кого из вас недостаёт мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто и без упрёков, – и даётся ему. Но да просит с верою, нимало не сомневаясь, потому что сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой. Да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа. Человек с двоящимися мыслями не твёрд во всех путях своих». Однако, дети, когда будете о чём просить Господа, помните и другую заповедь апостола: «Просите, и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вождлений». Посему, дети, не просите всякого богатства только для себя, не становитесь рабами богатства. В Евангелии от Матфея сказано: «Не можете служить Богу и маммоне». Ибо кто раб богатства, оберегает богатства, как раб; а кто сверг с себя рабское иго, тот распоряжается богатством как господин. Всегда следуйте сим заповедям апостолов Христовых, будьте щедрыми и справедливыми.

– А что есть маммона? – робко спросил Варфоломей.

– Маммона есть несправедное богатство, – ответил старец, – в учении нашем сказано, что мамона есть, иже есть мытарь и хищник и обидчик, яко поядоуща дома вдовича и сирых не по правде, но насилием.

Кирилл незаметно смахнул слезу. Заметив это, старец тихо произнёс:

– Пора мне, – и направился к выходу.

Когда все вошли в горницу, Кирилл сказал детям:

– Идите, погуляйте, – затем обратился к гостю: – Отче, сердечно просим тебя вкусить трапезу нашу.

Дети с нетерпением выбежали из горницы. Ещё с крыльца Стефан с восторгом крикнул:

– Козьма, вот чудо, Варфоломей складно читал Псалтирь. Он почти совсем не умел, а теперь читает так быстро, что заслушаешься!

– Вот радость какая всем нам. А ты, Варфоломей, небось, больше всех рад? – весело спросил Козьма.

– Я рад, дядя Козьма, рад, а ещё более родители рады.

– Слава Тебе, Господи, – тихо промолвил Козьма и перекрестился.

– Пойдём на улицу и всем расскажем, – крикнул Стефан и первый выскочил за ворота. Варфоломей и Пётр побежали за ним.

Между тем Кирилл, старец и Мария по внутренней лестнице спустились в трапезную. Здесь возле стены, как монумент, стояла русская печь, неизменная принадлежность каждого дома. Она всегда обогривала, кормила и лечила русского человека. А в особо морозные зимы, при недостатке дров для бани, в такой печке мылись. Постелив в топку на горячие камни солому, заползали в печь, взяв с собой таз с водой. Вход в топку снаружи иногда закрывали, и любитель мыться парился в печке в полной темноте, почти лежа; в больших печах можно было даже сидеть. Кто не наловчился, мог обжечься о горячие камни, если случайно раздвигал солому, или о горячий верх топки, рискуя при этом вымазаться сажей, которая толстым слоем покрывала свод.

Напротив печки у стены располагались полки для посуды, полностью завешанные и заставленные различным кухонным скарбом. В центре трапезной, как главный хозяин помещения, стоял массивный дубовый стол, вокруг которого были расставлены такие же массивные скамейки.

Помолившись, хозяева и гость сели за стол, накрытый белоснежной скатертью. Кушанья подавали две молодые служанки. Окончив трапезу, все встали. Старец, глядя на икону, прочитал благодарственную молитву. Все перекрестились и вышли из-за стола.

Старец поклонился хозяевам:

– Благодарю вас, люди добрые, дай вам Бог здоровья и радости. Пора мне.

– Не уходи так скоро, отче, – ответил ему Кирилл, в голосе которого слышалось огорчение: ему хотелось ещё побеседовать с прозорливым, какой уже понял, старцем. – Дозволь спросить, отче.

– Внимаю тебе, – старец внимательно посмотрел на Кирилла.

– Как имеющий опыт в духовной жизни, просвети нас, что думаешь о случае, который самую необычайностью своей заставил нас невольно задумываться над ним.

– Поведайте мне о том.

– Было то, отче, когда я носила Варфоломея во чреве своём, – со смущением сказала Мария. – Пришла я в церковь к Божественной литургии, и во время службы младенец, будучи во чреве, троекратно вскрикнул, да так, что многие его услышали. К чему бы это, отче? Беспокоимся мы.

– О, добрые супруги, – улыбнулся старец, – то Господь удостоил вас Своей великой милости, дав вам такого сына. Зачем же вы страшитесь там, где нет никакого страха?

– Так что нам делать, отче? – спросил Кирилл.

– Вам должно радоваться, что Бог благословил вас таким дитём. Он избрал вашего сына ещё прежде его рождения. А что я говорю вам истину – вот вам знамение: с этой поры отрок будет хорошо понимать всю книжную мудрость и свободно читать Божественное Писание. Знайте, что велик будет сын ваш перед Богом и людьми за его добродетельную жизнь.

– Отче, но мы переживаем, как-то всё будет, – тихо молвила Мария.

– Зачем вам переживать, счастливы должны быть родители, коих имена прославляются вечно в их детях и потомстве. Счастливы и дети, которые не только не посрамили, но и приумножили, и возвеличили честь и благородство своих родителей и славных предков, ибо истинное благородство состоит в добродетели.

Мария, посмотрев на мужа, робко спросила:

– Отче, благодарим тебя, что вселяешь в нас покой и уверенность, но есть ещё кое-что непонятное в поведении сына нашего. В церкви во время службы он старается отойти в сторону от других, чтоб быть одному, и дома старается молиться в одиночестве.

– Пусть вас это не беспокоит, – ответил гость. – Молитвенный подвиг требует тишины и уединения, совершается в тайне, в удалении от мирской суеты. Сын ваш постиг истину сию.

– Слава тебе, Господи! – Кирилл и Мария перекрестились. – Спасибо тебе, отче, за столь добрую весть, – оба поклонились старцу.

– Спаси и сохрани вас Господь, – сказал тот в ответ, перекрестившись, поклонился и направился к выходу.

На пороге он задержался и, обращаясь к родителям Варфоломея, произнёс загадочные пророческие слова:

– Отрок будет некогда обителью Пресвятой Троицы, он многих приведёт за собою к разумению Божественных заповедей.

Гостеприимные хозяева проводили старца до ворот. На улицу он вышел первым. Кирилл и Мария вышли следом, глянули по сторонам – старца нигде нет. Они с недоумением переглянулись, затем опять посмотрели по сторонам-никого!

– Уж не ангел ли Божий был послан к нам, чтобы даровать премудрость сыну нашему? – с удивлением в голосе спросила Мария.

– Сохраним в сердцах своих его таинственные слова, – тихо ответил Кирилл. – Пойдём в дом, дорога, помолимся и возблагодарим Бога за доброту Его.

Они вернулись в дом. Войдя в горницу, увидели, что дверь в моленную приоткрыта. Заглянув в неё, Кирилл жестом позвал Марию. Подойдя к двери, она замерла от восторга: на освещённом солнечным лучом аналое лежала раскрытая книга, за аналоем стоял Варфоломей и чётко, безошибочно читал:

– «Укажи мне, Господи, пути Твои и научи меня стезям Твоим. Направь меня на истину Твою и научи меня, ибо Ты Бог спасения моего; на Тебя надеюсь всякий день».

– Что читаешь, сынок? – тихо спросил Кирилл.

– Псалом двадцать четвёртый, – с затаённой радостью ответил Варфоломей.

– Вижу, получается чтение, – Кирилл робко ступил в моленную.

Следом тихо, как будто боясь вспугнуть удачу, вошла Мария.

Кирилл взял с полки «Книгу Иова», открыл её, подал Варфоломею и неуверенно попросил:

– Попробуй почитать отсюда.

Варфоломей положил книгу на аналой и, ещё не веря в свои силы, начал читать:

– Глава двадцатая, стих семнадцатый. «Не видать ему ручьёв, рек, текущих мёдом и молоком! Нажитое трудом возвратит, не проглотит; по мере имения его будет и расплата его, а он не порадуется. – Варфоломей читал всё увереннее. – Ибо он угнетал, отсылал бедных, захватывал дома, которых не строил; не знал сытости во чреве своём и в жадности своей не щадил ничего. Ничего не спасалось от обжорства его, зато не устоит счастье его. В полноте изобилия будет тесно ему; всякая рука обиженного поднимется на него».

Боясь спугнуть свершившееся чудо, Кирилл осторожно прервал Варфоломея:

– Довольно, сынок. А понимаешь ли ты то, что прочитал?

– Не всё, батюшка, ведь я только учусь.

– Ничего, со временем всё станешь понимать. А написано тут, что нечестивый не может наслаждаться накопленными богатствами. Он не воспользуется нажитым, так как оно возвращается к своим первоначальным собственникам, – уйдёт на удовлетворение обиженных им лиц. Богатство не послужит источником радости. Причина этого в незаконном характере приобретения нечестивца. Богатство, созданное путём угнетения бедных, захвата чужой собственности, не знавшей предела жадности, не может быть прочным. Ненасытная жадность, обжорство не только не упрочит благосостояние нечестивца, но и увеличит количество бедствий, предстоящих с его утратой. Умножение благ сопровождается увеличением числа обиженных. И все они поднимут руки на своего прежнего притеснителя, отомстят ему неправды путём, может быть, насильственного отнятия имущества. Угнетавший других теперь сам испытает тяжесть притеснений. Так пища нечестивого делается для него источником мучений. Это тебе понятно?

– Я понял, батюшка. Тот лихоимец, который угнетает бедных, наживает богатство, отнимая имущество у других, будет наказан теми, кого притеснял.

– То же сказано и в Притчах Соломоновых: «Таковы пути всякого, кто алчет чужого добра: оно отнимает жизнь у завладевшего им».

– Я помню, когда матушка читала мне Евангелие, там было сказано, что удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Божие.

– Так, сынок.

– Получается, что богатый никогда не попадёт в Царствие Божие?

– Богатства, сынок, бывают разные и добываются разными путями. Есть богатство, которое создаётся трудом праведным и честным, служит оно для удовлетворения потребных нужд человека, для исправного служения князю и народу своему, для защиты Родины своей. А есть богатство, превосходящее всякие разумные пределы, употребляемое только для ненасытного обжорства владеющего им. Такое непомерное богатство создаётся путём безумного стяжательства и воровства. Прочитай ещё раз, как лихоимец добывал своё богатство.

Варфоломей поводит пальцем по странице, нашёл нужную фразу:

– Ибо он угнетал, отсылал бедных, захватывал дома, которых не строил; не знал сытости во чреве своём и в жадности своей не щадил ничего.

– Теперь понятно?

– Не совсем, батюшка. Получается, что все люди должны жить одинаково и не должно быть богатых, но ведь все люди разные.

– Сейчас я постараюсь объяснить тебе немного по-другому. Да, все люди разные и живут по-разному: у одного есть собственный дом каменный, разный инструмент, скотина, а у другого нет ничего. Всю свою собственность человек должен создавать своим разумом и своим трудом. Кто много трудится, тот много имеет. А другой целый день лежит на печи и мух считает, а потом жалуется, что у него ничего нет. Ты же знаешь, как в народе говорят: «Без труда не вынешь рыбку из пруда».

– Знаю. А если человек больной и не может трудиться, кто его кормит?

– Больным и немощным община и добрые люди помогают.

– А что князь, воеводы и бояре трудятся больше, чем землепашцы? Ведь землепашцы трудятся с рассвета до заката.

– У каждого человека своя работа, которая ценится по-разному, и у каждого есть свои разные обязанности. Крестьянин выращивает хлеб и делает другую работу, а князь смотрит за всей державой, ему помогают его люди – бояре и воеводы. Бояре смотрят за порядком и помогают князю в делах разных, воеводы держат войско и защищают народ наш от врагов иноземных. Держать власть тоже есть очень тяжёлая работа, это особое служение всему народу. За эту работу землепашец даёт князю от себя часть своего труда, а князь платит боярам и воеводам, чтобы им хватало для исполнения своего долга и на жизнь. Все должны трудиться и иметь обязанности перед другими. В Писании сказано: «И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут». Учись, сынок, постигай мудрость, данную нам Господом. Да хранит тебя Господь.

– Батюшка, я буду учиться с большой радостью и усердием.

– Счастье-то какое, слава Тебе, Господи, – вздохнула Мария и перекрестилась.

Кирилл бережно взял книгу с аналая, закрыл её и поставил на прежнее место. Показывая рукой на полку, он медленно и назидательно произнёс:

– Здесь, сын, есть много такого, что тебе читать надо. В основном здесь разные богослужебные книги на церковнославянском языке, который вы учите в школе. Есть сочинения на старом славянском языке, на нём написаны древние памятники нашего народа и летописные сказания о минувших судьбах родной земли. Этот старый язык, близкий к церковнославянскому, ты сможешь осилить самостоятельно. Есть много книг на греческом языке, это божественные книги из Византии. Я научу вас со Стефаном читать и говорить по-гречески. Вот жития святых, вот святоотеческие писания, разные Палеи. Только нет здесь книг светского содержания, таких мы не держим. В наших книгах, сынок, ты найдёшь уроки благочестия, раскроется тебе чувство любви к Родине и готовность к служению земле Русской, к подвигам для угождения Богу.

Внимательно слушая отца, Варфоломей подошёл к полкам, бережно провёл рукой по корешкам книг.

– Читай, сын, – ласково сказал в завершение беседы Кирилл и вышел из моленной.

Год 1330

Поездка боярина Кирилла в Ростов. Беседа Варфоломея с матушкой о соблюдении поста. Пожар на селе. Решение ехать в Радонеж.

Село разрасталось, появлялись новые семьи, отселялись дети от родителей, приезжали переселенцы из других краёв. Рядом с усадьбой боярина Кирилла для Стефана с молодой женой построили новый дом с хозяйственными постройками. За церковью, ближе к лесу, совсем недавно появились ещё два новых дома, наполовину был собран сруб третьего, лежали брёвна, заготовленные для строительства следующего дома. Жизнь шла своим чередом.

Погода в тот год выдалась хорошая, благоприятная для урожая: зима снежная, весна прохладная, лето тёплое, иногда шли дожди, насыщая растения необходимой влагой. В конце лета установилась сухая, тёплая погода. При такой погоде хорошо собирать урожай, и работа в поле в основном была закончена. Наполнились закрома в амбарах, уложено в копны сено, поселяне собирали дары леса. Вечный страх перед голодной зимой отодвигался, на смену ему прибавлялась уверенность в завтрашнем дне, всё располагало к спокойной жизни.

В один из таких тёплых солнечных дней по сельской улице, поднимая пыль, проскакал всадник. У дома боярина он соскочил с коня. Неуверенно держась на ногах после долгого сидения в седле, придерживая саблю, гонец вошёл во двор. По его обветренному, загорелому лицу стекали капли пота, оставляя светлые дорожки. Плащ, кольчуга, шлем и вся одежда воина были покрыты дорожной пылью.

Оглядевшись и никого не увидев, гонец крикнул хриплым голосом:

– Эй, есть кто?

На окрик из конюшни вышел Козьма:

– Чего надобно, добрый человек?

– Где боярин? – нетерпеливо спросил гонец.

– Дома.

– Ему грамота от князя.

Козьма поднялся на галерею, постучал в дверь горницы. Вышел Кирилл, взгляд спокойный, движения уверенные. Ему уж исполнилось сорок шесть лет, а он был всё ещё крепок и энергичен, как в молодости. Козьма жестом показал на гостя и спустился по лестнице.

Кирилл подошёл к перилам:

– Кто такой? Что надобно?

– Тебе, боярин, грамота от князя, – ответил вестник, поклонившись, достал из сумы, висевшей на боку, грамоту и протянул ему.

Кирилл спустился во двор, взял грамоту. Заметив усталость на лице гостя, предложил:

– Вижу, ты притомился, отдохни, вкуси пищи с нами.

– Некогда, боярин, ехать надо, дело привычное, – бодро ответил воин.

– Козьма! – позвал Кирилл, – скажи, чтоб принесли служилому воды лицо омыть, кваса из погреба, да пусть соберут торбу с едой в дорогу.

Управляющий поспешил выполнять распоряжение, а хозяин принялся читать грамоту.

Служанка вынесла кружку квасу, полотенце и ведро с водой, полила служилому на руки. Гонец, фыркая от удовольствия, смыл пыль с лица, не отрываясь, выпил прохладный бодрящий хлебный квас, заправленный хреном, и со вздохом произнёс:

– Уфф! Благодать! Спаси вас Бог, люди добрые.

Козьма принёс торбу с едой и плоскую круглую баклажку с квасом, закупоренную деревянной пробкой.

Кирилл, дочитав грамоту, обратился к посланнику:

– Ну что ж, езжай, передай князю, что скоро буду. Да снедь возьми, в дороге пригодится. Храни тебя Господь.

Гонец взял торбу и баклажку, поклонился, вышел со двора и ускакал.

– Козьма, – позвал Кирилл, – поедешь со мной в Ростов. Пошли кого-нибудь за Никифором, Фомой и Ерофеем, они с нами едут, да коней приготовь, сборы не затягивайте. Отправимся завтра на рассвете. Позови мне Стефана.

Кирилл ушёл в дом. Козьма повернулся к конюшне и крикнул:

– Стефан, Митрофан, подь сюда!

Из конюшни вышел старший сын боярина Стефан. Он подрос, окреп и выглядел старше своих шестнадцати лет. За ним появился Митрофан – молодой работник, почти мальчишка.

– Стефан, иди, тебя отец зовёт, он в горнице. А ты, Митрофан, беги на луг да скажи Никифору, Фоме и Ерофею, пусть бросают работу и поспешают во двор.

На следующий день рано утром Кирилл в сопровождении своих дворовых уехал в Ростов.

Прошло уже несколько дней с отъезда боярина. Мария не любила долгих разлук с мужем, переживала за него и скучала о нём. Когда супруг уезжал по княжеским делам, она каждую свободную минуту садилась у окна, смотрела на дорогу, ведущую в село, и ждала его возвращения. Чтобы чем-то занять привыкшие к труду руки, она вышивала. Это было её любимое занятие, но в повседневных домашних хлопотах у неё редко выдавалась для него свободная минута. Вышивание успокаивало её и отвлекало от тревожных мыслей, которые посещали её всегда при отъезде мужа. Вот и сейчас, коротая время, Мария сидела у окна в горнице, освещённой солнцем, работала над платьем, стараясь закончить его к возвращению супруга.

Вошла Марфа:

– Боярыня, обед готов.

– Стефан с женой пришли? – спросила Мария, не отрывая взгляда от работы.

– Пришли.

– Иди, я сейчас буду.

Служанка тихо удалилась. Мария сделала несколько стежков, полюбовалась ещё незаконченным рисунком, положила платье на скамейку, посмотрела в окно на дорогу и вышла из горницы.

В трапезной, соблюдая установленный порядок, Мария села с длинной стороны стола. Справа от неё разместился одиннадцатилетний Варфоломей, слева – десятилетний Пётр. Напротив – Стефан и его жена Анна, красивая, крепко сложенная шестнадцатилетняя женщина со светлыми волосами, сплетёнными в косу, уложенную вокруг головы.

К обеду были наваристые щи, горячая, только что вынутая из печи, ещё дымящаяся каша, варёная рыба, разная зелень и хлеб. Все ели с аппетитом, только Варфоломей жевал один хлеб и запивал его водой. Стоявшие в стороне служанки, глядя на него, недоумённо переглядывались и пожимали плечами, но так, чтобы не заметила Мария. Однако она всё-таки уловила их взгляды и тихо произнесла:

– Варфоломей, ты опять ничего не ешь. Возьми вон рыбки, а не то каши. Не изнуряй себя излишним воздержанием.

– Не хочу я, матушка, – тихо ответил Варфоломей.

– Посмотри, никто в твоём возрасте не принимает так мало пищи, ни братья твои, ни товарищи, – продолжала Мария.

Все дети боярина Кирилла отличались высоким ростом и особой статью. За последний год Варфоломей заметно вытянулся, оттого худоба его, вызванная настойчивым воздержанием в еде, стала ещё заметнее.

Стефан с чувством превосходства посмотрел на Варфоломея, протянул служанке тарелку и сказал:

– Арина, добавь щец.

– И мне, – тут же вставил Пётр, глядя на Стефана.

Арина, молодая служанка, взяла обе протянутые ей тарелки, подошла к печи, налила из чугуна большой деревянной ложкой каждому щей и поставила на стол.

– Видишь, как братья твои едят досыта, – сказала Мария, глядя на Варфоломея и кивая головой на братьев, – а ты постоянно недоедаешь. Не изнуряй себя излишним воздержанием, чтобы тебе не заболеть от истощения сил, тогда и нам немалую скорбь причинишь. Перестань так делать, вкушай пищу, по крайней мере, вместе с нами.

– Матушка, – ответил твёрдым голосом Варфоломей, глядя на неё, – а как же старцы-отшельники держат пост при полном воздержании в среду и пятницу, а в остальные дни питаются только хлебом и водой? И я, матушка, желаю, как они, устремиться к Богу.

– Они старцы, сын мой, а ты-дитя малое, твоё тело ещё растёт и тебе такой пост не по силам, всякое добро хорошо в меру и в своё время, – Мария прекратила есть и с тревогой посмотрела на Варфоломея. – Отказ от пищи не приближает к Богу. В евангельском понимании тело есть вместилище души, и оно, прежде всего, должно быть здоровым. Держать не в меру и не по возрасту строгий пост

Сам Иисус Христос не проповедовал, и Сам того не делал. Апостолы тоже. Не должно безрассудно держать себя в скудости пищи и питья и делаться немощным для дел будущих.

Все внимательно прислушивались к словам матушки, и она продолжала ласковым, но внушительным тоном:

– Тебе, детка, нет ещё и двенадцати лет, тебе расти надо и тело укреплять. К тому же ты много сил тратишь, помогая нам дома и в поле. Тебе нужно крепкое здоровье, чтобы достойно пройти предначертанный путь, полный невзгод и лишений.

– Хорошо, матушка, – ответил Варфоломей покорно, глядя в глаза Марии, – не нарушу я заповеди о почитании и послушании родителей, выполню твоё желание. Но только дозвожь мне по силе телесной воздерживаться не от пищи, а от переедания.

– Удивляюсь я разумным речам твоим, сынок. Поступай, как знаешь, Господь с тобою, я не хочу стеснять тебя в добром, дитя моё.

Все за столом замерли в ожидании.

– Ешьте, ешьте. Уж скоро к вечерне собираться, мы опоздать можем.

В церковь они поспели вовремя и отстояли всю службу. По окончании прихожане направились к выходу, среди них и Стефан с Анной. Мария задержалась в храме, перед иконой Богородицы склонила голову, шепча молитву. Перед иконой с ликом Христа молился Варфоломей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.